

Гоголевскіе уголки.

(Наброски лѣтней поѣздки.)

Диканька. — Отголоски прежняго. — Яновщина.

Быль тихій іюньскій вечеръ, безоблачный, ясный. Мы, — мой компаньонъ и я, — стояли на крылечкѣ хаты, гдѣ помѣщалась Вайрацкая земская станція, и намъ не давали лошадей, чтобы ѣхать дальше...

Это было прошлымъ лѣтомъ, когда я, поѣздомъ, остановился не надолго въ Полтавѣ и вознамѣрился побывать въ тѣхъ мѣстахъ, которыя связаны съ памятью о Гоголѣ и его чудныхъ диканьскихъ повѣстяхъ.

— Такъ лошадей и не будетъ?

— А не знаю. Вотъ придутъ если, тогда поглядимъ. Сначала покормимъ, потомъ отдохнуть дадимъ...

— А потомъ поглядимъ? Да что ты, старый хрѣнь, шутишь съ нами, что-ли?! Чтобы были лошади! — вдругъ вышелъ изъ себя мой компаньонъ и совершенно напрасно, потому что казакъ — содержатель станціи, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на его горячность и даже слегка усмѣхнулся, такъ лукаво-лукаво, какъ посмѣиваются всегда старые казаки.

Въ эту минуту послышался невдалекѣ колокольчикъ.

— Кого Богъ даетъ? — сказалъ старикъ, закуривая люльку, и крикнулъ: — Параска, загощи свинью, опять ова вышла!..

Изъ подѣхавшей въ это время брички выскочилъ молодой блѣлокурый человѣкъ и сейчасъ же узналъ моего товарища!

— Вотъ позвольте васъ познакомить, — сказалъ мнѣ послѣдній. — Василій Яковлевичъ Головня, сынъ Ольги Васильевны, Гоголевской родной сестры, вышій владѣлецъ Яновщины.

Этой встрѣчей съ племянникомъ великаго писателя открывалась для меня область Гоголевскихъ воспоминаній.

Встрѣча была тѣмъ пріятнѣе, что г. Головня далъ намъ отличный совѣтъ:

— Какъ я только съѣду со двора, вы по дождите минутку, пока затихнетъ мой колокольчикъ, и сейчасъ же ему полтинникъ. Не беспокойтесь, лошади моментально явятся.

Такъ, разумеется, и случилось. Лошади явились откуда — то изъ за-загородки, хотя тамъ и разстилалось необъятное поле, гдѣ, какъ я ни смотрѣлъ, кромѣ простора, ничего не было. Но полтинникъ — это помоществованіе по нынѣшнимъ временамъ того чорта, на которомъ Вакула ѣздилъ добывать себѣ папирыны черевички!.. Фокусъ, конечно, былъ до крайности простъ: дали намъ земскихъ лошадей, которыя постоянно должны были имѣться на случай земскихъ потребностей. Старый казакъ только посмѣивался на мое удивленіе...

Ѣхали мы долго и съ опаской, потому что на дорогѣ насъ накрыла темная ночь. На верху все обложилось тучами, изрѣдка налетали порывы вѣтра, сильная молнія ежесекундно бороздила небо, раза два принимался накрапывать дождь.

— Надо бы у корчмы переждать, — сказали ямщикъ.

— Да гдѣ она?

— Вонъ.

Только подѣхавъ къ самому крыльцу, мы увидели корчму. Тѣла стояла — глазъ выколи. При свѣтѣ молнія я увидѣлъ въ сѣняхъ стараго еврея — нашего спасителя отъ непогоды.

— Это скоро пройдетъ. Вѣтеръ уже мѣняется.

Но, однако, пришлось таки посидѣть, чтобы переждать дождикъ, который ужъ шелъ...

Ночью уже, когда все прояснилось и на небѣ тихо плылъ великолѣпный украинскій мѣсяцъ, мы въѣхали въ большое село, встрѣчен-

ные неистовымъ тріо переполошившихся собакамъ.

— Какое это село?

— А Диканька-то. Это она.

Тѣнь Рудого Панька мелькнула при свѣтѣ луны и улыбалась, хитро улыбалась своими лукавыми глазами. Странная улыбка! Она зміѣлилась не только въ этихъ глазахъ, а и перешла въ самый кончикъ тонкаго птичьаго носа и пряталась тамъ гдѣ-то, въ коротенькихъ стриженныхъ усахъ... Рудый Панько былъ веселъ. Онъ не сказалъ еще этой безнадежной фразы, грустной, раздирающей сердце печалью: «скупно на этомъ свѣтѣ, господа!..»

— Стой! кто ѣдетъ?

Передъ нами была уже не тѣнь, а самоличная персона диканьскаго десятскаго въ овчинной шапкѣ, съ благихъ на шеѣ и длинной палкой въ рукахъ.

— Кто вы и по какому дѣлу?

Послѣ долгихъ переговоровъ, съ участіемъ мѣстнаго становаго пристава, десятскій усѣлся на подножку нашей брички и мы двинулись къ дому диканьскихъ владѣльцевъ. Ъхали мы темнымъ лѣсомъ или рощей, благоуханной, свѣжей, только что омытой дождемъ. Деревья, освѣщенные по верхушкамъ, темнѣли фантастическими страшилищами и точно убѣгали отъ насъ. И мы убѣгали отъ нихъ... Тихая ночь что-то шептала намъ въ слѣдъ и, порой, возникали какіе-то неясные звуки, протяжные, странные, и заглушались стукомъ колесъ, когда катаясь переѣзжалъ камень или взбирался на деревянные мостки.

Черезъ пять минутъ мы въѣзжали уже во дворъ диканьскаго дома.

Что за ночь! Что за красота! Что за сказка открывалась глазамъ!

Широкой-широкій дворъ съ купой могучихъ великановъ посерединѣ, окаймленный сверкавшими при лунѣ бѣлыми службами и черной стѣной стараго парка, разстилался передъ дворцомъ князей Кочубеевъ. Да, это былъ дворецъ, именно дворецъ величаваго Екатерининскаго стиля, такой стройный, монументальный, внушительный. Послѣ, днемъ, онъ потерялъ много въ моихъ глазахъ, но въ эту минуту онъ былъ сказочно-великолѣпнѣе, весь залитый луннымъ сіяніемъ. И эта ночь, эта страстная ночь, вся изъ блеска, тепла, нѣги и благоуханій, вся проникнутая звуками, которые тревожили душу и наполняли сердце какой-то сладкой печалью, — эта ночь еще больше усиливала очарованіе открывшейся внезапно картины...

Тишина царила вездѣ: на дворѣ, въ домахъ, въ окнахъ, въ саду. Голосъ десятскаго, разыскивавшаго смотрителя или кого-нибудь, кто бы насъ встрѣтилъ, одинъ нарушалъ тишину, казался какимъ-то вторженіемъ въ это

заснувшее царство. И живи здѣсь Коробочка, она, навѣрное, завтра же всѣмъ бы отравила разсказывать, что пріѣзжали двое во всемъ схожихъ съ разбойникомъ Ринальдо-Ринальдини, вооруженные съ головы до ногъ, и требовали у нея подать имъ мертвыя души.

— Да какъ же, батюшка, вѣдь онѣ же мертвыя?

— Не ваше дѣло! Это ужъ намъ знать, мертвыя онѣ или нѣтъ...

Намъ отвели отдѣльную комнату во флигелѣ для пріѣзжихъ гостей. Большая, свѣтлая комната, обставленная старинною мебелью, которая привела бы въ восторгъ всякаго любителя старины. Стѣны щедро завѣшаны старыми картинами, прелестными акварелями пасторальнаго жанра. Прекрасныя постели, бѣлье. Весь флигель состоитъ изъ нѣсколькихъ подобныхъ же комнатъ и назначается для житья пріѣзжающихъ въ Диканьку по дѣлу и для осмотра ..

Утромъ, и дворецъ и вся Диканьская усадьба многое потеряли. Это великолѣпная усадьба, но совершенно во вкусѣ Останкина, Кускова и др. имѣній нашихъ русскихъ магнатовъ. Тотъ же стиль дома, такой же хитро разбитый садъ, такіе же виды съ тераса, такой же паркъ, или скорѣе лѣсокъ, изъ клена и бересты, только послѣдній похуже нашихъ, сѣверныхъ, потому что нѣтъ въ немъ этой пышности, прохлады, зеленого величія... Николаевскій лѣсъ тщательно охраняется, онъ—заповѣдный, но содержится очень перашливо.

Вообще же, Диканька далеко не изъ живописныхъ мѣстъ по своему положенію и все, что въ ней красиваго—дѣло рукъ человѣческихъ. Хотя есть въ ней балки и холмы, но общій тонъ чего-то плоскаго, мало привлекательнаго и скучнаго. Воображаю, весело было выжить здѣсь цѣлое лѣто одной изъ княгинь Кочубей, урожденной герцогини Серрано; дочери известнаго маршала, кровной испанкѣ! Она проживала тутъ года два назадъ и, кажется, пріѣхала прямо изъ Испаніи.

Въ усадьбѣ двѣ церкви. Одна изъ нихъ—Николаевская—великолѣпна. Въ ней находится фамильный склепъ Кочубеевъ.

Вотъ все, что представляетъ собою эта Диканька, вблизи которой, на одномъ изъ хуторовъ, знаменитый Рудый Панько разсказывалъ такія дивныя сказки... Имѣніе, слѣдуетъ прибавить, разужбѣется, бездоходное и принадлежить теперь къ Виктору Сергѣевичу Кочубею. Диканька—фамильная драгоценность, свидѣтельница исторіи рода и въ этомъ вся ея цѣнность. Въ ея домѣ собрано много историческихъ рѣдкостей, кровавая рубашка казненаго Кочубея, масса отличныхъ художественныхъ произведеній. Ихъ то и хотѣлось намъ посмотрѣть главнымъ образомъ. Но, увы! мы встрѣ-

тились съ упорнымъ нежеланіемъ разрѣшить намъ это, со стороны управляющаго.

— Князь не разрѣшилъ это, — твердилъ г. Дилевскій.

— Но вѣдь князь, вѣроятно, не имѣлъ въ виду прїѣзжихъ издалека?

— Дворецкій ушелъ и унесъ съ собой ключъ.

— Но мы можемъ обождать, пока онъ вернется.

— Право, тамъ нечего смотрѣть.

— Это ужъ позвольте намъ судить.

— Я не могу безъ главнаго управляющаго, а его сейчасъ нѣтъ въ Диканькѣ...

Вотъ все, что услышали мы отъ этого «строгаго» господина. И когда я потомъ видѣлся и съ главноуправляющимъ и съ другими лицами, знающими диканскіе порядки и лично съ владѣльцами, всѣ они были возмущены «строгостію» княжескаго служащаго, прямо говорили, что все это — личное нежеланіе, которое будетъ крайне неприятно самому князю, когда онъ узнаетъ объ немъ, даже вызвались ему рассказать и, вѣроятно, уже рассказали. И все бы это, конечно, было бы сущими пустяками, о которыхъ не стоило и упоминать, если-бы не одно маленькое соображеніе, заставляющее меня отмѣтить фактъ управительскихъ строгостей. Вѣдь не я же одинъ могу заинтересоваться мѣстами, связанными съ памятью о Гоголѣ. Найдутся и другіе, и для нихъ это послужитъ предостереженіемъ не очень-то полагаться на любезности мѣстныхъ управителей. Пусть тѣ, которые вознамерятся побывать здѣсь, особенно прїѣхавшіе издалека, примутъ заранѣе мѣры. Говорю серьезно, ибо это — мелкій фактъ, а есть другіе, болѣе неприятные, какъ, напримеръ, случай, бывшій около той-же Диканьки и мнѣ рассказанный тутъ-же про одного англичанина — собирателя малорусскихъ узоровъ или пѣсенъ — хорошенько не помню.

Такой-же десятскій, какъ и тотъ, что выросъ передъ нами, предсталъ и передъ этимъ съномъ туманнаго Альбіона.

— Пашпортъ!

— ?

— Да ты не моргай глазами; а давай бумагу, я тебѣ говорю.

— What do you want from me, sir?

— А ты такъ! Ну-ка, иди за мной!..

Свободолюбивый Джонъ-Вуль былъ водворенъ въ надлежщее мѣсто, довольно темное и, вѣроятно, отъ скуки расивналъ тамъ малорусскія мелодіи, такъ какъ узоры было уже неудобно разсматривать. Только черезъ нѣсколько часовъ передъ нимъ явилась «власть» и, увидавъ у него открытый листъ харьковскаго генералъ-губернатора, мгновенно стала «во фронтъ».

Интересно, чувствовалъ-ли себя «довольно свободно» этотъ, злополучный мореплаватель,

очутившись передъ бдительнымъ стражемъ диканскихъ порядковъ и тишины!..

И вотъ опять стелется передо мною дорога!..

Солнце свѣтитъ ярко и горячо, небо раскалилось, уходитъ вглубь, усталые кони мѣрно перебираютъ ногами, позваниваютъ колокольчикомъ. Вправо и влѣво — поля. Куда, на какое безграничное пространство растянулись они? Море колосевъ точно застыло, не шелухветъ стебелькомъ. Тихо, все тихо въ душномъ просторѣ и только жаворонокъ гдѣ-то заливается звонкою своей пѣсней. Вдругъ вѣтерокъ — и по всему хлѣбному морю словно волна прокатилась. Мы вѣзжаемъ на косогоръ. Все сразу передъ глазами на многія, многія версты: усадьба, мельницы, церкви, поля, поля безъ конца...

Ѣдемъ мы долго, иногда заѣзжаемъ къ помѣщикамъ, останавливаемся тамъ и тутъ по дорогѣ. И кажется мнѣ, что все это уже видѣно мною, что когда-то я съ этимъ встрѣчался, будто раньше я былъ уже знакомъ съ этими людьми!..

Вотъ казакъ въ высокой бараньей шапкѣ, широчайшихъ штанахъ и ботахъ, отъ которыхъ за полверсты понесло дегтемъ. Гдѣ я его видѣлъ? Вотъ ѣдетъ на бѣговыхъ дрожкахъ какой-то такой великанъ, точно онъ сейчасъ сорвался съ какого-нибудь монумента, и кричитъ зычнымъ голосомъ, чтобы ему дали дорогу. Да гдѣ-же я съ нимъ когда-то встрѣчался? Вонъ изъ коляски выглянула сморщенное старушечье лицо, вонъ верхомъ проскакалъ бакебардистъ въ красномъ околышѣ съ такимъ продувнымъ видомъ, — всѣ, всѣ мнѣ знакомы!..

И я начинаю догадываться. А, да вѣдь это потомки тѣхъ, что описалъ онъ въ своей безсмертной книгѣ! Какъ они измѣнились, но какъ все-таки похожи они на своихъ отцовъ!

И для довершенія впечатлѣнія, мы останавливаемся у такого старого-старого помѣщика, съ большими височными усами и коротко выстриженной сѣдой головой. «Ну-ка, помѣрается, сынку!» — такъ и кажется, скажетъ онъ сейчасъ... А къ вечеру прїѣзжаемъ къ помѣщичку, вѣроятно, хорошо знавшей покойную Коробочку, Манилова и другихъ.

Впечатлѣніе все усиливается и точно мало здѣсь измѣнилось съ того далекаго времени. Мой сосѣдъ сидитъ рядомъ со мной въ коляскѣ и все рассказываетъ мнѣ такіа вещи, что я опять себя спрашиваю: да гдѣ это я уже слышалъ?

Проѣхали рядъ хуторовъ, показался помѣщичій домъ весь въ саду, черезъ полверсты другой и еще, и еще. Цѣлая усадебная территория въ лощинѣ, гдѣ живутъ большіе оригиналы, ни за что не хотѣвшие связать себя

узами гименея. Всё они по соседству другъ съ другомъ и мѣсто, гдѣ они живутъ, такъ и зовется «Невѣнчанной балкой».

Вдругъ выросли большія постройки. Это уже новое,—настоящая Америка въ царствѣ «мертвыхъ душъ». Огромный хуторъ кн. Кочубея съ образцовымъ хозяйствомъ, со всевозможными научными приспособленіями и во главѣ всего этого такой милый, образованный человекъ, какъ г. Измаильскій, любезнымъ гостеприимствомъ котораго я имѣлъ честь воспользоваться. Я съ удовольствіемъ вспоминаю это время...

— Заѣдемъ къ Перерѣпенкѣ?

— Къ какому Перерѣпенкѣ!—недоумѣваю.

— А вотъ тутъ неподалеку, за Рѣшетилвкой. Онъ — земскій начальникъ, говорить мнѣ мой обязательный спутникъ.

Перерѣпенко—земскій начальникъ! Это уже и совсѣмъ новое въ отчизнѣ рѣшетилвскихъ смушекъ. И чтобы еще болѣе усилить это впечатлѣніе новизны, мы встречаемся съ новымъ землевладѣльцемъ изъ евреевъ, который, поравнявшись съ нами, что то наскоро прачетъ за свою спину.

— Это, видите-ли,—разсказываетъ мнѣ мой дорожный товарищъ,—онъ всегда такъ. Обыкновенно, въ имѣніи у себя или въ дорогѣ онъ носитъ дворянскую фуражку, а какъ слышитъ встрѣчный колокольчикъ, сейчасъ же ее въ карманъ,—на головѣ у него уже простая шапка...

Въ Яновщину мы вѣзжали послѣ обѣда. Тамъ была ярмарка. И нигдѣ никогда я не видалъ такой славной, чисто малороссійской ярмарки, какъ въ Яновщинѣ, бывающей тамъ между 12 и 15 іюня. Развѣ только знаменитая Сорочанская жеметь поспоритъ съ нею въ полнотѣ впечатлѣнія.

Вся площадь заставлена рядами палатокъ. Продаютъ все, что угодно. Толпы деревенскаго люда двигаются живою стѣной. Гулъ, шумъ и крикъ, какое-то пѣніе, гнусливое, протяжное, странно дѣйствующее на непривычное ухо. Что это за пѣніе слышится мнѣ?

У проѣзжей дороги сидятъ нѣсколько переходящихъ нищихъ. Тутъ все слѣпцы. Среди нихъ одинъ—лиричикъ и подъ аккомпаниментъ своего нехитраго инструмента тянетъ какую-то пѣсню, скорѣе духовный романсъ. Я ничего не могу разобрать въ этихъ словахъ, слышу только: «Христосъ», «Петро», «матуся», «коханья»—и ничего больше. А пѣсня все разгорается и все не можетъ разгорѣться. Она мерцаетъ, какъ маленькій огонекъ лампадки, такой печальный, робкій, задумчивый... Около пѣвца кучка слушателей. Двѣ — три старухи подперли руками щеки и слушаютъ — слушаютъ, качая въ тактъ головами. На глазахъ у

нихъ слезы. Молодыя дѣвчины склонили свои головки и въ карихъ очахъ ихъ тихо свѣтится грусть, румяныя губки полукоткрылись. И,—кто знаетъ,—не туда-ли, къ этимъ вышневымъ садочкамъ, унеслись онѣ мыслями, гдѣ такъ же робко шелестѣли тогда листья, задумчиво наклонялись верхушки деревьевъ?.. Время отъ времени угрюмый усачъ подходитъ къ пѣвцу, нагибается, кладетъ въ его шапку копѣйку и отходитъ, крестясь...

И все это, вѣроятно, было такое же и при немъ!

Ярмарка расположилась на площади, какъ разъ передъ господской усадьбой. Сзади нея старинная деревянная церковка спереди—жилыенѣйшихъ владѣльцевъ Яновщины. Церковь—простая, прямо на дугу, обнесенная рѣшеткой. Въ ея оградѣ, подъ деревьями, скромный памятникъ: «Василій Аеонасъевичъ (род. 1777 г., сконч. 1825 г.) и супруга его Марія Ивановна (род. 1791 г., сконч. 1868 г.) Гоголь.—Миръ праху вашему!»—гласитъ надпись на мѣдной доскѣ...

Мы вѣзжали на широкій, густо заросшій травой дворъ и подкатили къ дому. Намъ уже ждали.

Представьте себѣ полукруглый лугъ, запущенный, который рѣдко косятъ, на немъ кучки щебня, доски, какіе-то кирпичи, веревку, протянутую для сушки бѣлья, собаку, валяющуюся въ травѣ, воробьевъ, которые съ пескомъ вспархиваютъ при нашемъ приближеніи. Это и будетъ первое впечатлѣніе Гоголевской усадьбы, ея дворъ, въ который вступаете вы, чтобы попасть къ хозяевамъ.

Домъ—передъ вами. Одноэтажный, обыкновенный помѣщичій домикъ средней руки. Но онъ построенъ уже значительно послѣ Гоголя и потому нисколько не интересенъ. Прѣжній, Гоголевскій, стоялъ въ другомъ мѣстѣ, ближе къ tenerшимъ службамъ, налѣво отъ вѣзда. Направо—домикъ, гдѣ жаль Николай Васильевичъ, и о немъ я скажу ниже...

Не знаю я болѣе милой, простой, старозавѣтной усадьбы, нежели эта. Сейчасъ изъ дома, съ другой стороны, вы попадаете въ садъ, запущенный, скорѣе родину, нежели садъ, съ остатками когда-то бывшихъ клумбъ, гдѣ кое-какъ растутъ астры. Садъ спускается къ пруду, заросшему, зеленому, такому хорошенькому, что такъ и хочется его перенести на холстъ—выйдетъ прѣмилая картинка. Другая сторона пруда—это уже начало другихъ владѣній, принадлежащихъ тоже Гоголевскому родственнику.

Когда Гоголь скончался, имѣніе, доходившее въ его время почти до 1,000 десятинъ, было раздѣлено на три части между тремя оставшимися послѣ него сестрами. Изъ нихъ двѣ здравствуютъ и теперь. Это: владѣлица Яновщины

Ольга Васильевна, въ замужствѣ Головна, и Анна Васильевна, оставшаяся въ дѣвицахъ. Третья, бывшая за г. Быковымъ, теперь умерла. Анна Васильевна, живущая въ настоящее время въ Полтавѣ, уступила свою часть въ пользу двухъ сестеръ и такимъ образомъ недвижимое имѣніе Гоголя фактически было раздѣлено между г-жами Головной и Быковой. Первая владѣетъ собственно усадьбой съ известнымъ количествомъ десятинъ; наследникамъ же другой принадлежитъ та часть, которая начинается по ту сторону пруда.

Гуляя по саду, вы всюду чувствуете *его* и все говорить вамъ *о немъ*. Время и новые взгляды

— Братъ очень любилъ садъ и все сажалъ въ немъ деревья, — говоритъ мнѣ Ольга Васильевна — живой портретъ Гоголя. — Онъ тогда тоже увлекался и постройками, рисовалъ разные планы и фасады. И намъ все говорилъ, чтобы каждая избрала себѣ какое-нибудь дѣло и отдалась ему. «Тогда жизнь ваша, говоритъ онъ, будетъ совершенно наполнена...»

Въ домѣ еще больше воспоминаній. Они глядятъ на васъ со стѣнъ въ видѣ портретовъ: бывшего министра, Троицкаго, бабки и матери Гоголя и, наконецъ, самого его въ великолѣпной копіи художника В. А. Волкова съ портрета, писаннаго Моллеромъ въ Римѣ и на-

Фингола, гдѣ жилъ Гоголь. (Задняя сторона).

еще не успѣли изгладить старыхъ воспоминаній, но они уже сглаживаются постепенно... Грустно и жалъ!.. Вамъ показываютъ деревья, насаженные *его* рукой, цѣлую рошчу при въѣздѣ, которая, говорятъ, имѣетъ форму будто-бы гроба, а въ саду, на нижней аллеѣ, почти на берегу пруда, вы видите остатки какой-то кирпичной кладки, которая прежде была гротомъ. Туда, рассказываютъ, «великій меланхоликъ», какъ называлъ его Пушкинъ, любилъ уединяться и тамъ тогда горѣла свѣча передъ образомъ.

И опять деревья, которые садилъ онъ собственноручно, такъ какъ увлекался, по словамъ его сестры, тогда садоводствомъ.

ходящагося теперь въ Полтавѣ у Анны Васильевны Гоголь. По моей просьбѣ, безконечно любезный художникъ-портретистъ, В. А. Волковъ, сдѣлалъ мнѣ точнѣйшую копію этого послѣдняго портрета, украсивъ его рисунками нѣкоторыхъ видовъ Яновщины, Васильевки-тожъ. Тутъ читатели найдутъ, между прочимъ, изображеніе стараго Гоголевскаго дома (главнаго), которое сдѣлано было г. Волковымъ еще тогда, когда домъ этотъ существовалъ. Я прилагаю здѣсь этотъ рисунокъ.

Но портреты — это мало. Еще сохранились кое-какія вещи, принадлежавшія Гоголю. Вотъ дверь съ разноцвѣтными стеклами, вотъ шкафъ съ его разрозненной бібліотечкой, въ которой

хранится папка разных рисунков. Среди них много тогдашних литографий плохой московской работы на библейские сюжеты. Нѣкоторыя изъ нихъ раскрашены такъ, какъ раскрашиваютъ обыкновенно такія картинки десятилѣтнія дѣти.

— Это брать раскрашивалъ, — говорить Ольга Васильевна. — Онъ привезъ однажды съ собой много этихъ рисунковъ и все сидѣлъ и раскрашивалъ ихъ. Онъ раздавалъ ихъ крестьянамъ, когда читалъ имъ евангеліе и говорилъ о религіи...

Сидя тутъ за чайнымъ столомъ, передъ портретами, въ виду многихъ вещей, которыхъ касалась *ею* рука, въ этой милой обстановкѣ, еще сохранившей отчасти колоритъ прежняго, съ этой старушкой, и лицомъ, и складомъ всей рѣчи, напоминавшей *ею*, угондавшей такой же наливкой и такими же «коржиками», которые она пекла и *ему* когда-то, невольно переносился я мыслью къ тому времени и, мнѣ казалось, что вотъ я чувствую его присутствие здѣсь. Точно *онъ* оживалъ на своемъ портретѣ и такъ хитро-хитро улыбался намъ со стѣны...

У меня была въ рукахъ пачка *ею* писемъ. Любознѣе хозяйке предоставили мнѣ право ихъ читать. Они всѣ больше семейнаго характера, но въ нихъ встрѣчаются строчки, имѣющія и общее значеніе. Тутъ опять совѣтъ «избрать дѣло» и въ другомъ, изъ Одессы, на пути въ Константинополь, такое что-то болѣзненное, меланхолическое, грустное... Среди писемъ много, писанныхъ изъ лица.

Но самая главная драгоценность Яновщины — это флигель, гдѣ жилъ Гоголь, такъ какъ большого стараго дома уже не существуетъ совсѣмъ.

Вотъ что рассказала мнѣ объ этомъ флигелькѣ Ольга Васильевна.

— Стараго дома, гдѣ жилъ братъ и мы всѣ, уже нѣтъ теперь. А въ то время онъ еще былъ — и Николай Васильевичъ сначала въ немъ жилъ со всѣми. Но когда мы, сестры, пріѣхали изъ института, онъ перебрался въ этотъ флигель, который вы видите, и уже постоянно останавливался въ немъ, когда пріѣзжалъ къ намъ. Тамъ у него стояла конторка, на которой онъ писалъ, шкафъ съ книгами и большой кожаный диванъ. Всѣхъ комнатъ въ флигелькѣ было четыре. Въ одной изъ нихъ и жилъ братъ. Выходилъ онъ къ намъ вообще рѣдко и то не при гостяхъ. Особенно когда пріѣзжали женщины, онъ не любилъ показываться. При мужчѣнахъ же выйдетъ на минутку, скажетъ нѣсколько словъ и сейчасъ же уйдетъ. Рѣдко и рѣдко онъ былъ веселъ и шутилъ... Въ этомъ же флигелькѣ останавливались и Данилевскіе, когда пріѣзжали. Помню разъ, поздно вечеромъ уже, пріѣзжаетъ ко мнѣ братъ и на немъ лица

нѣтъ. «Поди — говорить — туда сію же минуту. Тамъ съ Данилевской что-то нехорошо. Она все стонетъ, чего-то кричитъ». И потомъ каждую минуту все приставалъ ко мнѣ: «чего она стонетъ? Отчего такъ ужасно стонетъ, просто за душу хватаетъ?» Данилевская въ ту же ночь тутъ и родила...

Флигелькѣ... Собственно, теперь это даже и не флигелькѣ, а скорѣе груды досокъ и глины, прикрытая старой почервившей соломой. Стѣны перекошились и ежеминутно грозятъ развалиться. Рамъ нѣтъ, дверей тоже. Столбы, поддерживавшіе галлерею, сгнили и вывалились. Внутри уже невозможно опредѣлить расположения комнатъ. Когда мы съ хозяйниномъ сюда вошли, онъ предупредилъ меня, что не ручается, если кирпичъ или доска упадетъ мнѣ на голову. Пола нѣтъ, вмѣсто него — вольчи или скорбѣ. Большая печка была развалилась и сквозъ потолокъ и крышу видна дымовая труба, а надъ нею кусочекъ неба. Груды мусора и обломковъ досокъ безпорядочно навалены въ разныхъ мѣстахъ...

Это домъ, гдѣ жилъ Гоголь, нашъ величайшій художникъ, домъ, въ которомъ родился, можетъ быть, не мало чудныхъ, поэтическихъ замысловъ! А сколько въ немъ передумано, какихъ мыслей, какихъ творческихъ грезъ не зародилось тутъ, подъ этой развалившейся теперь кровлей, сквозъ которую мирно голубѣетъ горячее здѣшнее небо!

Мѣстный любитель-фотографъ, г. Лехницкій, по моему просьбѣ, снялъ мнѣ его въ настоящемъ видѣ и эти снимки прилагаю здѣсь. Не ручаюсь, что они вполнѣ соответствуютъ тому виду, въ которомъ домъ обрѣтается сейчасъ: снимки были сдѣланы восемь мѣсяцевъ назадъ, а въ это время много воды утекло. Были непогоды, дожди, бури, вѣтряно, и зима, наконецъ. Можетъ быть, дома уже нѣтъ, но 8 мѣсяцевъ назадъ онъ былъ въ томъ видѣ, въ которомъ изображенъ на прилагаемыхъ снимкахъ. Передній его фасадъ выходитъ на дворъ, о которомъ я уже говорилъ, задній — прежде, надо думать, въ садъ, а теперь въ огородъ.

У крыльца флигелька (со стороны передняго фасада) врытъ столбъ и на немъ виситъ колокольчикъ. Это остатки когда-то помѣщавшейся здѣсь сельской школы, закрытой уже давно... но недостатку средствъ!

Мы соображали какъ-то съ однимъ здѣшнимъ земцемъ: въ какую сумму могла бы обойтись реставрація этого домика? Земецъ, присчитывая «на всякій случай», объявилъ мнѣ цифру страшно большую. По правдѣ сказать, я даже испугался и понялъ, что дѣйствительно это расходъ положительна непосильный для земства. Требовалось... почти триста рублей!

Бѣдный, бѣдный Гоголь!

А, между тѣмъ, въ Миргородѣ строится ремесленно-художественное училище имени писа-

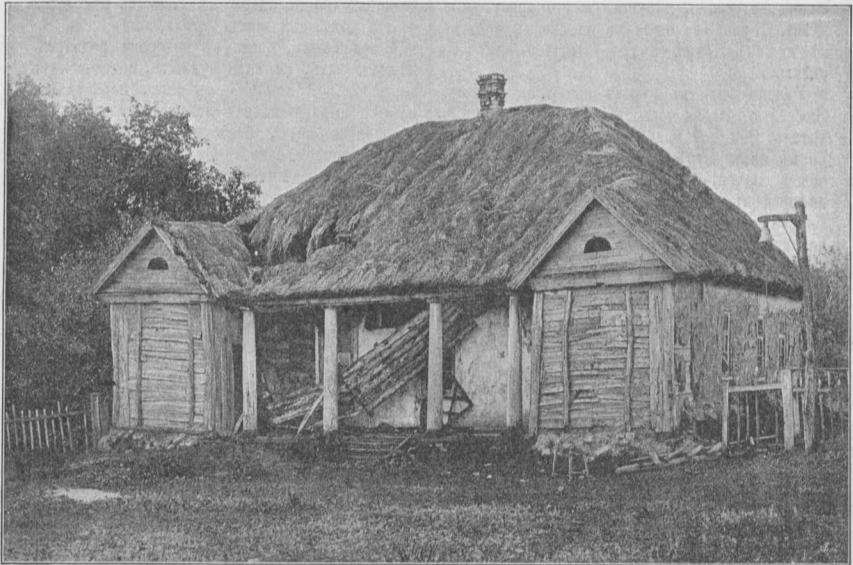
тели, строятся роскошно, богато, со всѣми приспособлениями. Фасадъ, говорятъ, будетъ украшенъ художественными скульптурами, бюстами и пр. Очень это хорошо и похвально. Ну, а домикъ, скромный домикъ въ Яновщинѣ, гдѣ родился и жилъ поэтъ? Развѣ нельзя и его сохранить, устроивъ въ немъ что-нибудь въ родѣ школы, библиотеки или Гоголевскаго музея изъ вещей писателя, которыя можно еще собрать? Что бы Полтавскому земству, образцовому во многихъ отношеніяхъ, хотя бы, напряжь, въ шко-

номъ дѣлѣ, подумать объ этомъ? Что бы Обществу Любителей Россійской Словесности не поднять этотъ вопросъ, не пожалѣть бы домика великаго художника, о постановкѣ памятника которому оно уже хлопочетъ? Что бы...

Да вѣдь и денегъ-то требуется сущіе пустяки!

Ахъ, «скучно на этотъ свѣтъ, господа!»

Сергій Филипповъ.

Флагель, гдѣ жилъ Гоголь. (Передняя сторона. Видъ отъ вѣсѣда).